Щетинина А. В. Не подмажешь — не поедешь: лексическая репрезентация темы взяточничества в русском языке / А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2017. — № 6. — С. 96—111. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-96-111.

Shchetinina, A. V. (2017). *Ne Podmazhesh — Ne Poedesh:* Lexical Representation of Bribery Topic in Russian Languge. *Nauchnyy dialog, 6:* 96-111. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-96-111. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'37:17.025
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-96-111

Не подмажешь — не поедешь: лексическая репрезентация темы взяточничества в русском языке[1]

© **Щетинина Анна Викторовна (2017),** orcid.org/0000-0002-9085-8697, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург, Россия), anna-73.schetinina@yandex.ru.

Рассматривается проблема описания социальной лексики, функционирующей в разных языковых стратах в определенные исторические периоды, на примере лексических репрезентаций темы взяточничества в русском языке. Актуальность исследования обусловлена отсутствием комплексного описания лексики социального взаимодействия, в том числе институциональных отношений, в сферу которых входит взяточничество. Показано, что в лексике русского языка данная тема репрезентируется посредством слов, идиом и неидиоматических выражений, а также паремий, отражающих представления носителей русского языка об одной из сторон социального взаимодействия граждан и представителей власти. Выявлено 312 языковых фактов, содержащих семы 'взятка', 'взяточничество', которые входят в структуру значения слов, составляющих лексико-семантическое поле «Взяточничество». Разрабатывается идеографическая сетка, которая определяет структуру и состав данного поля. Отмечается, что семантическим ядром поля является идеограмма «обычай брать взятки»; ее ключевой лексический репрезентант — существительное *взяточничество*. Обосновывается представление о данном явлении как об обычае. Проводится интерпретационный анализ контекстов, в которых используются обозначения данного понятия. На основе анализа делается вывод о том, что паремии объективируют семантические компоненты понятия «обычай»: идентифицирующий, регламентирующий и др.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

Ключевые слова: социальная лексика; лексико-семантическое поле; идеография; взяточничество; обычай; паремии; русские народные говоры; литературный язык.

1. Введение

Исследование лексики социального взаимодействия людей связано в первую очередь с анализом номинаций институциональных отношений. При этом интенсивность социально-политических процессов в стране и мире, конфликтность в отношениях не только социальных групп внутри общества, но и государств на мировой политической арене обусловливает как появление новых слов, отражающих реалии времени, так и переосмысление уже имеющихся понятий. Осмысление новых языковых единиц из сферы институциональных отношений традиционно осуществляется с опорой на систему связей между разными по времени появления и функционирования номинациями, зафиксированными в словарях. Поэтому, с точки зрения комплексного описания социальной лексики, интересно проанализировать в синхроническом и диахронном аспектах весь комплекс лексем — и уже охарактеризованных в лексикографических источниках, и еще не получивших научного освещения, но широко употребительных в различных дискурсах — разговорном, публицистическом, деловом и др. Кроме того, для исследования социальной семантики слов представляет интерес их функционирование в разных социальных стратах: в диалектах, отражающих факты действительности, важные для представителей традиционного крестьянского социума; в жаргонах, объединяющих слова, используемые в профессиональной речи, в молодежной среде и т. д.; в литературном языке как средстве передачи информации в разных сферах общения, предполагающих нормативное использование языковых средств; и даже в просторечии — подсистеме языка, обычно определяемой как речь необразованных людей. Изучение слов из разных социальных страт тем более интересно, поскольку в современной речи, в том числе в высказываниях на социально-политические темы, наблюдается стилистическое смешение, обусловленное, как правило, желанием придать речи эмоционально-экспрессивную окраску.

Одним из способов фиксации всего комплекса социальных лексем является их идеографическое описание, позволяющее понять, как организованы лексико-семантические отношения внутри полей. При этом анализируемый лексический фонд весьма разнороден, то есть одно поле может включать в себя лексемы из разных страт, зафиксированные в разные исторические периоды.

Одной из ключевых тем социально-политической жизни современного общества является тема взяточничества. Исследованию лексических репрезентаций взяточничества в словарях и разных видах дискурса посвящен ряд работ [Анохина и др., 2014; Головачева, 2015; Макаров, 2015; Плотникова, 2014; Устюжанина, 2014; Шипицына, 2016 и др.]

Факт присутствия в лексико-семантическом поле «Взяточничество» номинаций, принадлежащих разным временным пластам, свидетельствует о том, что соответствующее явление социальной действительности процветает длительное время, а тема взяточничества весьма популярна в текстах, созданных в разные исторические периоды. Например, в «Словаре XI—XVII веков» слово *мзда* имеет одно из значений «подношение, взятка» и иллюстрируется контекстами начала XIII века (1228: *Выпровадилъ Антония владыку на Хутино, а самъ сѣлъ, давъ* ***мьзду*** *князю*. Новг. I лет., 228 [СлРЯ XI—XVII, вып. 9, с. 145]); второй половины XVII века (*А тот пристав Алешка взявъ у нево Ивашка и у товарыщев ево* ***мзду*** *и ево Ивашка для оговору упустил* (А. Свир. м., № 351. 1672 г. [Там же]) и др. Это же слово охарактеризовано в современных словарях как устаревшее и ироничное, а также представлено в качестве переносного устаревшего ироничного эвфемизма «вместо *взятка*» [СЭРЯ, 2008, с. 198]. При этом в Национальном корпусе русского языка фиксируется 99 вхождений данного слова, которые в современных контекстах актуализируют ироничную и даже саркастичную оценочность, например: *Этот предприимчивый милиционер умудрился создать собственную базу данных по всем сдаваемым в районе квартирам. И теперь ему остается только ходить по адресам и снимать оброк. Хотя чаще приезжие приносят все сами. Ежемесячная* ***мзда*** *еще божеская — от 150 до 500 рублей с человека* (В. Грач. Резиновый дом // Труд-7, 2006.09.02) [НКРЯ]; *Вероятно, десятикратное увеличение* ***мзды*** *теперь является своеобразной надбавкой за риск нечистоплотных чиновников и страх перед суровым наказанием* (А. Игорев. Средняя взятка в России выросла до 3-х миллионов рублей // Комсомольская правда, 2011.10.28) [Там же] и др.

Мы выявили 312 языковых фактов, образующих организованное пространство в форме лексико-семантического поля «Взяточничество». Полевая структура этого типа рассматривается как «объединение языковых фактов по тематическому принципу, точнее, совокупность лексем и фразеологизмов, соотносительных с определенным фрагментом действительности, с одной понятийной сферой» [Леонтьева, 2013, с. 10]. Цель исследования — выявить особенности лексической репрезентации указанного фрагмента действительности. Мы исходим из положения о том, что номинации

и связи между ними фиксируют «психологически реальные для носителя языка связи между понятиями» [Там же].

2. Идеографическое сетка лексико-семантического поля «Взяточничество»

Идеографическое описание социальной лексики предполагает выявление ментальных взаимосвязей, объективированных посредством номинации значимых для социума понятий, воплощающихся в лексических множествах, которые в свою очередь объединяются в полевые структуры. Взаимосвязи между фактами социальной действительности, отраженными в языке, с позиции идеографического подхода репрезентируются в идеографической сетке, которая посредством идеограмм аккумулирует все наиболее значимые представления о том или ином социальном явлении. При идеографическом описании лексики используются, как известно, разные подходы: «от общего понятия, формирующего семантические поля и семантические группы слов, — к выявлению и описанию состава этих полей и групп, или, наоборот, от словаря, лексикона, рассматриваемого в разном объеме, — к поиску общих понятий и базовых категорий, репрезентируемых различными семантическими полями и группами слов» [Бабенко, 2016, с. 11].

В данном разделе будет описана идеографическая сетка поля «Взяточничество», составленная на основе семантической классификации языковых единиц, извлеченных из литературных, диалектных и жаргонных словарей, фиксирующих факты языка в разные исторические периоды. На основе анализа значений составлены идеограммы, сгруппированные в зависимости от семантических связей внутри исследуемого поля. Все исследуемые факты языка (лексемы, фразеологемы, неидиоматические составные выражения и паремии) имеют в значении интегральные семы ‘взятка’, ‘взяточник’, ‘взяточничать’, ‘взяточничество’. Эти семы, безусловно, можно отнести к социальным, поскольку они делают очевидной, объективируют принадлежность номинируемого объекта, его свойства или действия к сфере институционального общения. При этом мы учитываем не только те семы, которые содержатся в ассертивной зоне значения, зафиксированной в дефиниции словаря, но и те, которые извлекаются в результате анализа пресуппозиционной части значения.

Так, лексема *кормление* зафиксирована в «Словаре русского языка XI–XVII веков» (далее — СлРЯ XI—XVII) в одном из значений как ‘способ содержания княжеских и государевых людей за счет поборов с местного населения; административно-территориальная единица, подати с которой

(денежные и натуральные) обеспечивают их' [СлРЯ XI—XVII, вып. 7, с. 322]. Важно, что в период появления «кормления» как способа содержания представителей власти поборы с местного населения не были связаны со взяточничеством как преступной деятельностью. Синонимы *побор* и *подать* в словаре представлены в значении 'налог, пошлина' [СлРЯ XI—XVII, вып. 15, с. 220], в то время как в современном русском языке *побор* — это 'взятка, вымогательство' [СлРЯ, т. 3, с. 153]. Более того, Г. М. Шипицына указывает на связь *кормления* с *кормой* в значении 'задняя часть судна' и на способность дериватов (*кормчий* и др.) выражать смысл 'управлять, направлять, рулить'; следствием утраты этого значения стала ошибочная мотивация слов с древним корнем *корм-* (*кормление, кормильство, кормёж* и др.) со значением 'мздоимство, взяточничество' [Шипицына, 2016]. Представление о *кормлении* как о *взяточничестве* «стало единственно возможным в настоящий период развития нашего языка, фокусирующего мировоззрение, ценности и состояние культуры нашего общества» [Там же, с. 297]. Это положение подтверждают и выявленные нами факты современного словоупотребления лексемы *кормление*: *С такой доминирующей мотивацией любые «чистки» бесполезны: если госслужба рассматривается не как служение, а как* ***кормление****, то на место одних разоблаченных воров придут другие* (В. Путин: Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным // Комсомольская правда, 2012.02.060) [НКРЯ]; *Учитывая, что нет серьезных наказаний за коррупцию, они считают свою должность ярлыком на* ***кормление****. Это, конечно, очень плохо* (А. Новикова. Депутаты разошлись в оценке причин трагедии в Крымске // Известия, 2012.07.10) [Там же] и др. Благодаря большому количеству контекстов анализ семантики слова *кормление* в прагматической презумпции позволяет сформулировать новое значение 'преступная деятельность должностных лиц, состоящая во взяточничестве и других способах незаконного обогащения с использованием служебного положения'. Однако появление новых значений (как и новых слов) в поле «Взяточничество» представлено единичными случаями. Большая часть лексем имеет давнюю традицию употребления как в литературном языке, так и в его нелитературных формах.

Идеографическая сетка лексико-семантического поля «Взяточничество» служит основой для систематизации обозначений тех фрагментов реальности, которые связаны с данным феноменом, начиная с названий социального положения («места»), которое позволяет брать взятки («должность, служба, дающая возможность брать взятки»: *теплое местечко, доходное место*), и заканчивая номинациями реальных людей, причастность

которых к взяткам получила широкую огласку («прозвища лиц, ассоциирующихся со взяточничеством»: *Миша 2 процента*, *Паша-мерседес*). Представим идеографическую сетку с примерами лексических репрезентантов, отражающую фрагмент институциональных отношений, связанных с явлением взяточничества, которая разработана для включения в идеографический словарь социальной лексики:

Сущ. «должность, служба, дающая возможность брать взятки» (*теплое местечко, доходное место*)
Глаг. «вынуждать к даче взятки» (*глыбить, доить*)
Глаг. «давать взятку» (*давать на лапу, подмазывать*)
Сущ. «дача взятки» (*взяткодательство*)
Сущ. «человек, дающий взятки» (*взяткодатель, мздодатель*)
Глаг. «брать взятку» (*брать на лапу, взяточничать*)
Сущ. «нелегальное получение должностным лицом доходов за оказание услуги путем использования служебного положения» (*взятка, небезгрешные доходы*)
Прилаг. «относящийся к действиям, связанным с получением взятки» (*взятковый, посульный*)
Нареч. «с помощью взятки» (*посульно*)
Сущ. «обычай брать взятки» (*взяточничество, куроцапство*)
Сущ. «человек, берущий взятки» (*взяточник, крапивное семя*)
Прилаг. «берущий взятки» (*мздоимный*)
Прилаг. «любящий взятки» (*мздолюбивый, срывчивый*)
Прилаг. «не берущий взятки» (*бездарный, неберущий*)
Сущ. «прозвища реальных лиц, ассоциирующихся со взяточничеством» (*Миша 2 %, Паша-мерседес*)
Глаг. «ничего не взять» (*с нас взятки гладки*)
Глаг. «решить дело за взятку» (*откупить, отмазать*)
Глаг. «разорить поборами, взятками» (*ограбить*)
Сущ. «преступление, совершенное за взятку» (*тайнобрачие*)

Как видно из порядка расположения идеограмм, они отражают все составляющие процесса *взяточничества*. При этом само *взяточничество* мы предлагаем рассматривать как ‘обычай брать взятки’, именно обычай, поскольку лексические репрезентанты в той или иной степени отражают устойчивый характер данного явления, имеющего давнюю историю. На исторический характер взяточничества указывают и включение слов в лексикографические источники, фиксирующие языковые факты с XI

по XXI века, в том числе лексемы и фразеологемы с семой ‘взятка’ в значении [см.: СлРЯ XI—XVII вв.; СлРЯ XVIII в.; Михельсон, 1896—1912; Ушаков, 1935; СлРЯ; БУСРЯ, 2017 и др.], и их репрезентация в разных языковых стратах [см.: СРНГ; Даль; ССМЖ, 2006 и др.], и актуализация в контекстах, зафиксированных как в словарях в качестве иллюстративного материала, так и Национальном корпусе русского языка.

В большинстве словарей *взяточничество* определяется как ‘получение взяток должностным лицом’ [ССРЛЯ, т. 2, с. 332], а дефиниции его синонимов отсылают к словам *взятка, мзда, взяточничество*: ***лихоимство*** ‘устар. взяточничество, ростовщичество’ [СлРЯ, т. 2, с. 190]; ***мздоимство*** ‘взимание мзды, взяток, подарков’ [СРЯ XVIII, вып. 12, с. 175]; ***мздоприимство*** ‘взяточничество, лихоимство’ [Там же]; ***поборство*** ‘выманивание денег, вещей обманом; взяточничество’ [СРНГ, вып. 27, с. 201]; ***посулоимание*** ‘взяточничество’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 269] и др. При этом в дефинициях слов, зафиксированных в словарях, ничто не указывает на то, что феномен *взяточничества* имеет устойчивый исторический характер. Только В. В. Даль фиксирует значение с семой ‘обычай’ (‘обычай брать взятки; порядок вещей, где требуются, берутся взятки’ [Даль, т. 1, с. 197]). Однако мы исходим из положения о том, что значение слова может быть описано более детально на основе контекстного анализа, что, например, было сделано для самого слова *обычай* [Леонтьева, 2014]. В результате интерпретационных процедур Т. В. Леонтьева выявила несколько тематических групп слов, одна из которых реализовывала значение ‘выработанные в долговременной практике взаимодействий принцип или система принципов, негласное правило деловой среды, установленный порядок, церемониал’ [Там же, с. 20]. Это значение, на наш взгляд, соотносимо с понятием *взяточничество*, что подтверждает интерпретационный анализ контекстов. Приведем примеры актуализации сем, связанных с указанным выше значением слова *обычай*, при употреблении слова *взяточничество* и его синонимов в фрагментах текстов, извлеченных из иллюстраций к словарным статьям, контекстов, включенных в Национальный корпус русского языка, и других источников:

(а) ‘долговременная практика’:

— *В новой России изменилась мотивация элит:* ***взяточничество*** *и кумовство существовали и при царе, и при Советах, однако никогда прежде сановные казнокрады не стремились вывезти свои семьи и имущество за рубеж* (С. Подосенов. СПЧ и НАК разработают идеологию развития страны // Известия, 2014.02.13) [НКРЯ];

— *Тут нужно бы знать, что именно казалось Гоголю дурным в современном обществе. «Но, кажется, мы это очень хорошо*

знаем: ему казалось дурно, что у нас существует ***взяточничество*** *и неправосудие, апатия, развлекаемая только сплетнями и преферансом, и так далее, и так далее». Все это так, но из всего этого еще ничего не следует. На* ***взяточничество*** *и тому подобные пороки нападал не один Гоголь, нападали чуть ли не все наши писатели от Державина (чтоб не заходить слишком далеко в древность) до г. Бенедиктова* (Н. Чернышевский. Сочинения и письма Гоголя, 1857) [НКРЯ];

(б) ‘негласное правило деловой среды, установленный порядок’:

— *Какое* ***мздоимство*** *господствовало тогда в сем мѣстѣ: всему положена была цѣна и установление. Желающий быть попом должен был неотмѣнно принесть архиерею десять голов сахару* [СРЯ XVIII, вып. 12, с. 175]

— *Незадолго до роспуска Думы ко мне заезжали и Родзянко и Алексеенко, и оба, точно сговорившись между собою, старались разъяснить, что на этом вопросе Дума должна уступить правительству, так как иначе, — говорили они, — все* ***взятничество*** *при разрешении трактиров падет на голову Думы, и правительство будет только справедливо торжествовать свою правоту* (В. Коковцов. Из моего прошлого, 1933) [НКРЯ];

— *Если бы у наших медиков была бы нормальная заработная плата, не было бы* ***взятничества****, они бы держались своего рабочего места, а к взяткам приучили их сами… А больной человек готов идти на всё ради здоровья. Отсутствие денег вынуждает людей действовать как получается. А шарлатанов, которые не имеют никакого отношения к медицине — судить по всей строгости закона…* (коллективный форум: Хватит губить детей! 2011) [НКРЯ].

Представление о взяточничестве как обычае актуализируется также в пословицах и поговорках. Т. В. Леонтьева выделяет дифференциальные признаки понятия «обычай», актуализированные в паремиях: признаки «‘постоянный’, ‘характеризующийся посессивностью’, ‘обладающий идентифицирующим потенциалом’, ‘имеющий широкое распространение’, ‘являющийся регулятором’, ‘древний’, ‘наблюдаемый’, ‘привычный в силу повторяемости’ создают некоторый собирательный образ обычая» [Леонтьева, 2014, с. 71]. В сборниках пословиц и поговорок русского народа [Даль; Иллюстров, 1915; Михельсон, 1896—1912; Снегирев, 2014; Соловьева, 2001] мы нашли 82 паремии, значения которых, на наш взгляд, отражают большую часть признаков, характеризующих явление взяточничества как обычай:

— взяточничество постоянно: *Не подмажешь — не поедешь*; *Безъ помази скрыпитъ, а не ѣдет* и др.;

— взяточничество обладает идентифицирующим потенциалом (отражаются стереотипы поведения людей определенных профессий, должностей): *Подьячий любитъ калачъ (или: «приносъ») горячий*; *Попъ ждетъ покойника богатого, а судья — тягуна тароватого*; *Съ кого судья взялъ, тот и правъ сталъ; Конь любитъ навозъ — а воевода приносъ; Лошадь любитъ овесъ, земля — навозъ, а становой — приносъ; Приказный и со смерти на вино просит; За перо возьмется — у мужика мошна и борода трясется* и др.; иначе говоря, в паремиях можно обнаружить образы «типичных взяточников», стереотипно взяточничество приписывается воеводам, писцам, приказным, становым, судьям, священнослужителям;

— взяточничество имеет широкое распространение: *Прежде одну свинью кормили, а теперь съ поросятами*;

— взяточничество как распространенное явление вынуждает человека принимать этот обычай, следовать ему и в этом смысле негласно определяет, регулирует жизнь человека в обществе: *Не ходи къ воеводе съ однимъ носомъ, ходи къ нему съ приносомъ*; *Дари судью, так не посадит въ тюрьму; Знай, кому дать, и знай, с кого взять. Знай, когда дать в руку, а когда в ухо* и др.; обратим внимание на присутствие в примерах глаголов в повелительном наклонении; побудительные по цели высказывания предложения выражают прагматическую установку на регламентирующее воздействие — практический совет, рекомендацию;

— взяточничество наблюдаемо, поэтому может оцениваться: *Дарами и праведного судью къ неправдѣ приведешь; Мзда и мудра мужа очи залепляет* и др.;

— взяточничество привычно (даже обосновывается его «естественность»): *Блины пекутъ, такъ подмазываютъ; Чія кварта на столѣ, того правда на селѣ; Эта вина стоит полведра вина* и др.

Отметим, что большая часть паремий фиксирует одновременно несколько признаков обычая, при этом наиболее часто в качестве основного или дополнительного реализуются значения взяточничества как регулятора поведения человека во взаимоотношениях с должностными лицами и идентификатора самого взяточника: *Начнешь судиться, придется разориться. Легче откупиться, чем судиться; Набей возъ людей, да привези возъ золота судьямъ — чистымъ выйдешь; Порожними руками съ судьей не сговоришь* и др. Поэтому во многих паремиях взяточничество констатируется безоценочно (*В суд подношение несут*). Если пословица или поговорка содержит осуждение, то оно может быть как явно выраженным

(*Судьи за деньги страхъ божій забыли — стараются, чтобы виноватые правы были*; *Брюхо, что неправедный судья — молча просит*), так и скрытым (*Утиного зоба не накормишь, а подьяческого кармана не наполнишь; Судейский карман, что поповское брюхо*). Интересно, что в русской народной культуре есть пословицы, которые по сути объясняют и, можно даже сказать, оправдывают взяточничество, поскольку государственная служба рассматривается как дело, не приносящее доходов (*Казна съ голоду не уморитъ, да и досыта не накормитъ*; *Что и въ титулѣ, когда нѣтъ ничего въ шкатулѣ*; *На що тійи чыны и кресты, колы карманы пусты*), более того, как «голодное» место в случае честной службы (*Правдою служи — кость гложи*; *Какіе чины, когда нѣтъ во щахъ ветчины; Нелюба («Что за») честь, коля нечего ѣсть*).

Представление о взяточничестве как обычае, отражающем, судя по количеству и характеру называющих данное социальное явление языковых фактов, значимую сторону деловых отношений, а также охватывающем все этапы и всех участников процесса, позволяет считать идеограмму «обычай брать взятки» ядром лексико-семантического поля.

Взяточничество как обычай почти не представлено в диалектных словарях, только у В. И. Даля есть значение ‘обычай брать взятки; порядок вещей, где требуются, берутся взятки’ [Даль, т. 1, с. 197]. Однако в разных говорах широко представлены лексемы со значением ‘нелегальное получение должностным лицом доходов за оказание услуги путем использования служебного положения’, синонимы слова *взятка*: *албан* (Выкуп, взятка (Цариц. Сарат., Зайковская, 1918) [СРНГ, т. 1, с. 233]), *бахшишъ* (Татарск. Гостинец, на чай, на водку, магарычи; приносъ, срывъ, взятка [Даль, т. 1, с. 40]), *бешкеш* (Дон. Взятка, подношение, 1876 [СРНГ, т. 2, с. 287]), *брача* (Орл., Курск. Действие берущего; *взятка* [СРНГ, т. 3, с. 168]), *гостинец* (Взятка [СРНГ, т. 7, с. 93]), *емь* (Ряз. Сборъ, подать, пошлина или *взятка* [Даль, т. 1, с. 519]), *жемулька* (Южн.-Сиб. Взятка в виде подарка [СРНГ, т. 9, с. 123]), *закуп* (Вологд., 1853. Енис. Подкуп, взятка; подарок [СРНГ, т. 10, с. 176]) и др.

Кроме того, в словарях народных говоров фиксируются лексемы и фразеологемы, называющие участников процесса получения или вымогания взятки: *алтынник* (Яросл. Взяточник, корыстолюбец [ЯОС, вып. 1, с. 22]), *биркей* (Сев. Прииссыккулье Киргиз. ССР, 1953—1955. Взяточник [СРНГ, т. 2, с. 293]), *бируха* (Новг. Вымогатель, взяточник [СРНГ, т. 2, с. 293]), *взях* (Смол., 1853. Взяточник, тот, кто берет что-либо от кого-либо [СРНГ, т. 4, с. 272]), *кожедёрина* (Взяточник [Дуров, 2011, с. 189]), *рукосуй* (Перм. Претендент, искатель, до-

могающийся чего-л., взяточник [СРНГ, вып. 35, с. 255]), *сельдяной карман* (Пск., Твер., 1855. Прозвище взяточника [СРНГ, вып. 37, с. 139]) и др., а также сами действия: *глыбить* (Смол. Вымогать взятку (Добровольский. Смоленский областной словарь, XIX — начала XX вв.) [ССГ, вып. 3, с. 3]), *брать (взять) саргу* (Брать взятку [СРНГ, вып. 36, с. 143]), *взять срыва* (Сорвать взятку [Даль, т. 4, с. 305]), *хабарничать* (Хапать, брать взятки, поживляться [Даль, т. 4, с. 540]) и др.

Таким образом, номинации основных составляющих явления взяточничества, а также иллюстративный материал, зафиксированные в словарях народных говоров, отражают основные характеристики данного понятия как обычая, поскольку оно репрезентируется как ‘негласное правило деловой среды, установившийся порядок’ (Вятск., Петрогр. 1907. *Ты бы* ***гостинец*** *дал, дело-то и выиграл* [СРНГ, т. 7, с. 93],) и ‘долговременная практика’ (***Приносы*** *служащим, даже воеводам, встарь были в обычае, почему* ***принос*** *ныне взятка* [Даль, т. 3, с. 430]).

В жаргонах нам удалось выявить несколько слов, принадлежащих интересующей нас семантической сфере: *бакшиш* (Жарг. Подарок, подношение начальству; в арго — взятка [ССМЖ, 2006, с. 53]), *пылесос* (Студ. Преподаватель-взяточник [Там же, с. 451]) и некоторые другие.

Значительное число обозначений взяточничества и связанных с ним понятий представлены в словаре эвфемизмов: там зафиксировано 32 лексемы, среди которых как языковые факты современной речи (*административная рента* Соц. эвф. с последнего десятилетия XX в. вместо взятка и отступные, получаемые чиновниками [СЭРЯ, 2008, с. 54] и др.), так и устаревшие слова (*мздоимствовать* Устар. соц. стерт. эвф. вместо брать взятки [Там же, с. 198]).

Кроме того, в словарь Михельсона включены слова и фразеологизмы с пометой «иносказательно»: *акциденции* (Иноск. Взятки, то есть побочные, случайные доходы, поборы, которые перепадаютъ [Михельсон, 1912, с. 10]), *барашекъ въ бумажкѣ* (Иноск. Взятка [Там же, с. 33]; *безгрѣшные доходы* (Ирон. иноск. Взятки (намекъ на мнѣнія лицъ, получающихъ такіе доходы, что эти добровольныя приношенія закономъ не воспрещаются, а потому считаются законными и безгрешными) [Там же, с. 36]), которые также можно рассматривать как эвфемизмы.

3. Выводы

Описание лексических репрезентантов институциональных отношений обусловливает обращение к исследованию номинаций не только официальных понятий (названий должностей, учреждений, документов

и т. п.), но и тех, которые связаны с полуофициальным, «закулисным» взаимодействием людей в сфере деловых отношений. Языковые факты (лексемы, фразеологемы, неидиоматические составные выражения, паремии), составляющие лексико-семантическое поле «Взяточничество», отражают систему неформальных взаимоотношений людей в сфере делового общения, складывавшуюся на протяжении всей истории существования русского государства, о чем ясно свидетельствует лексикографическая традиция с XI по XXI века. Долговременно реализуясь на практике и являясь негласным правилом деловой среды, установленным порядком, взяточничество приобретает статус обычая, поскольку имеет его основные характеристики. Именно эта группа лексем со значением ‘обычай брать взятки’ рассматривается нами как ядро поля, на ближней периферии которого находятся группы слов со значениями ‘вымогать взятку’, ‘давать взятку’, ‘брать взятку’, ‘человек, берущий взятки’, поскольку вербальные репрезентанты этих значений отражают все составляющие явления взяточничества.

Лексические подмножества, составляющие поле «Взяточничество», представлены номинациями из разных языковых страт, но особенно активно данная тема репрезентирована в литературном языке с XI по XVIII века и народных говорах, причем в последних посредством как лексем, так и паремий, что дает интересный материал для интерпретации представлений о взяточничестве в традиционном крестьянском социуме.

Проанализированное лексико-семантическое поле является фрагментом обширного фонда социальной лексики русского языка. Выявление идеограмм, воплощенных в языковых единицах этого поля, важно как в контексте разработки комплексного идеографического описания социальной лексики (лингвистический фактор), так и в контексте осмысления так называемой «актуальной лексики», соотносимой с фрагментом действительности, неизменно вызывающим оценки, обсуждения в медиапространстве и побуждающим ученых и рядовых носителей языка к постижению ментальной основы этого явления и причин его неистребимости (экстралингвистический фактор).

Источники

1. БУСРЯ, 2017 — *Морковкин В. В.* Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая ; под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Словари XXI века, 2017. — 1456 с.

2. Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1978. — Т. I. — 699 с.

3. Дуров, 2011 — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. — 455 с.

4. Иллюстров, 1915 — *Иллюстровъ І. И.* Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ : сборник русскихъ пословицъ и поговорокъ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное / І. И. Иллюстровъ. — Москва [Б. и.], 1915. — 469 с.

5. Михельсон, 1896—1912. — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое : Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1—2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов / М. И. Михельсон. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1896—1912. (Репринтное издание).

6. СлРЯ XI—XVII вв. — *Словарь* русского языка XI—XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. — Москва : Наука, 1975—2008. Вып. 1—28. Вып. 4. Г — Д, 1977. — 404 с. ; Вып. 7. К — Крагуярь, 1980. — 405 с. ; Вып. 9. М, 1982. — 360 с. ; Вып. 17. Помаранецъ — Потешати, 1991. — 298 с.

7. СлРЯ XVIII в. — *Словарь* русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. — Ленинград : Наука, 1984—1991. Вып. 1—6 ; Санкт-Петербург : Наука, 1992—2011. Вып. 12. Льстец — Молвотворство, 2001. — 253 с.

8. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.ruscorpora.ru.

9. СлРЯ — *Словарь* русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 2 : К—О. — 736 с. — Т. 3 : П—Р. — 750 с.

10. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Т. 1–38. — Москва, Ленинград, Санкт-Петербург, 1965—2004. Вып. 1. А, 1965. — 306 с. ; Вып. 2. Ба-Блазниться, 1966. — 317 с. ; Вып. 3. Блазнишка—Бяшутка, 1968. — 360 с. ; Вып. 4. В—Военки, 1969. — 357 с. ; Вып. 7. Гона—Депеть, 1972. — 222 с. ; Вып. 9. Ерепеня—Заглазеться, 1972. — 364 с. ; Вып. 10. Заглазки—Заросить, 1974. — 388 с. ; Вып. 37. Свято — Скимяга, 2003. — 416 с.

11. ССМЖ, 2006 — *Грачев М. А.* Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. — Москва : Эксмо, 2006. — 672 с.

12. Снегирев, 2014 — *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / И. М. Снегирив ; отв. ред. О. А. Платонов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2014. — 528 с.

13. Соловьева, 2001 — *Соловьева Л. В.* Не в бровь, а в глаз : пословицы и поговорки Псковской и Ленинградской области. Бабушкины байки. — Гатчина : Типография Салезианского Центра «Дон Боско», 2001. — 128 с.

14. СЭРЯ — Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 464 с.

15. Ушаков, 1935 — *Толковый* словарь русского языка в 4-х томах : Описание ЭНИ // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). — [Москва] : 2006. — Режим доступа : http://feb-web.ru.

16. ЯОС — *Ярославский* областной словарь / Ред. Г. Г. Мельниченко и др. Вып. 1—10. Ярославль, 1981—1991. Вып. 1. Аа — Бобинка, 1981. — 68 с.

Литература

1. *Анохина С. А.* Отражение деловой сферы в русских пословицах и поговорках / С. А. Анохина, Н. В. Кожушкова, А. В. Прокофьева // Вестник Новгородского государственного университета. — 2014. — № 77. — С. 50—52.

2. *Бабенко Л. Г.* Классы слов в аспекте идеографической лексикографии : принципы выделения, формирования состава и описания / Л. Г. Бабенко // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2016. — № 5. — С. 10—14.

3. *Головачева О. А.* Языковые оценочные средства в статьях Н. С. Лескова о полицейских врачах / О. А. Головачева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. — 2015. — № 7 (102). — С. 154—159.

4. *Макаров В. И.* «Хапен зи гевезен» и другие названия взяточничества в юрислингвистическом фразеологическом словаре / В. И. Макаров // Вестник Новгородского государственного университета. — 2015. — № 4—1 (87). — С. 171—175.

5. *Леонтьева Т. В.* Лексика социальной регуляции в русских народных говорах / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. — 219 с.

6. *Леонтьева Т. В.* Обычай в русском языке : слово и понятие : монография / Т. В. Леонтьева. — Москва : Флинта, 2014. — 200 с.

7. *Плотникова А. М.* Речетворчество в криминальных диалогах / А. М. Плотникова // Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность : лингвистика креатива. — 2014. — № 1. — С. 66—72.

8. *Устюжанина А. К.* Тема взяточничества во фразеологизмах и поговорках (на материале текстов российских СМИ) / А. К. Устюжанина // Вестник Новгородского государственного университета. — 2014. — № 77. — С. 242—244.

9. *Шипицына Г. М.* Историко-лингвистический взгляд на концепт *взяточничество* / Г. М. Шипицына // Уральский филологический вестник. Серия : Русская литература XX—XXI веков : направления течения. — 2016. — № 2. — С. 296—305.

Ne Podmazhesh — Ne Poedesh: Lexical Representation of Bribery Topic in Russian Languge[1]

© Shchetinina Anna Viktorovna (2017), orcid.org/0000-0002-9085-8697, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and Foreign Languages, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia), anna-73.schetinina@yandex.ru.

[1] The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 16-18-02075 “Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics”).

The problem of description of the social vocabulary functioning in different linguistic strata in certain historical periods is considered on the example of the lexical representations of the topic of bribery in the Russian language. The relevance of the study is determined by the lack of a comprehensive description of the vocabulary of social interaction, including institutional relations, the scope of which includes bribery. It is shown that in the vocabulary of the Russian language this topic is represented by words, idioms and non-idiomatic expressions, as well as proverbs that reflect the perceptions of Russian native speakers of one of the parts of social interaction of citizens and government members. 312 linguistic facts, containing semes 'bribery', which are included in the structure of the meanings of the words that constitute the lexical-semantic field "Bribery" are identified. Ideographic net is developed, which determines the structure and composition of the field. It is noted that the semantic field center is the ideogram "the custom of taking bribes"; its key lexical represent is the noun *bribery*. The idea about this phenomenon as about custom is stated. Interpretive analysis of the contexts in which you use this concept is made. Based on the analysis it is concluded that proverbs objectify semantic components of the concept of custom: identifying, regulating, etc.

Key words: social lexis; lexical-semantic field; ideography; bribery; custom; idiom; Russian folk dialects, literary language.

Material resources

BUSRYa, 2017 — Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. F., Lutskaya, N. M. 2017. *Bolshoy universalnyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Slovari XXI veka. (In Russ.).

Dal — Dal, V. I. 1978. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: v 4 tomakh, *I*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

Durov, 2011 — Durov, I. M. 2011. *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii*. Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr RAN. (In Russ.).

Illyustrov, 1915 — Illyustrov, I. I. 1915. *Zhizn' russkago naroda v ego poslovitsakh i pogovorkakh:* sbornik russkikh poslovits i pogovorok. Izdaniye 3-e, ispravlennoye i dopolnennoye. Moskva [B. i.]. (In Russ.).

Mikhelson, 1896—1912. — Mikhelson, M. I. 1896—1912. *Russkaya mysl i rech. Svoye i chuzhoye: Opyt russkoy frazeologii:* Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy, *1—2.* Khodyachiye i metkiye slova. Sbornik russkikh i inostrannykh tsitat, poslovits, pogovorok, poslovichnykh vyrazheniy i otdelnykh slov. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. (Reprintnoye izdaniye). (In Russ.).

NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: www.ruscorpora.ru. (In Russ.).

SERYa — Senichkina, E. P. 2008. *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka*. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).

SlRYa XI—XVII vv. — Barkhudarov, S. G. (ed.) 1975—2008. *Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv., 4, 7, 9, 17.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

SlRYa XVIII v. —Sorokin, Yu. S. (ed.) 1984—1991. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka, 12.* Lstets — Molvotvorstvo. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

SlRYa —Evgenyeva, A. P. (ed.) 1999. *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t., 2, 3.* Moskva: Russkiy yazyk; Poligrafresursy. (In Russ.).

Snegirev, 2014 — Snegirev, I. M. 2014. *Russkiye narodnyye poslovitsy i pritchi*. Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii. (In Russ.).

Solovyeva, 2001 — Solovyeva, L. V. 2001. *Ne v brov', a v glaz: poslovitsy i pogovorki Pskovskoy i Leningradskoy oblasti. Babushkiny bayki*. Gatchina: Tipografiya Salezianskoro Tsentra «Don Bosko». (In Russ.).

SRNG —Filin, F. P., Sorokoletov, F. P. (ed.) 1965—2004. *Slovar' russkikh narodnykh govorov, 1, 2, 3, 4, 7, 9, 10, 37*. Moskva, Leningrad, Sankt-Peterburg. (In Russ.).

SSMZh, 2006 — Grachev, M. A. 2006. *Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona.* Moskva: Eksmo. (In Russ.).

Ushakov, 1935 — Ushakov, D. N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 4-kh tomakh: Opisaniye ENI. 2006. In: *Fundamentalnaya elektronnaya biblioteka «Russkaya literatura i folklor» (FEB)*. [Moskva]. Available at: http://feb-web.ru. (In Russ.).

YaOS — Melnichenko, G. G. (ed.) 1981—1991. *Yaroslavskiy oblastnoy slovar', 1—10, 1.* Aa — Bobinka Yaroslavl'. (In Russ.).

References

Anokhina, S. A., Kozhushkova, N. V., Prokofyeva, A. V. 2014. Otrazheniye delovoy sfery v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 77:* 50—52. (In Russ.).

Babenko, L. G. 2016. Klassy slov v aspekte ideograficheskoy leksikografii: printsipy vydeleniya, formirovaniya sostava i opisaniya. *Dinamika yazykovykh i kulturnykh protsessov v sovremennoy Rossii, 5:* 10—14. (In Russ.).

Golovacheva, O. A. 2015. Yazykovyye otsenochnyye sredstva v statyakh N. S. Leskova o politseyskikh vrachakh. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskiye nauki, 7 (102):* 154—159. (In Russ.).

Leontyeva, T. V. 2013. *Leksika sotsialnoy regulyatsii v russkikh narodnykh govorakh*. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta. (In Russ.).

Leontyeva, T. V. 2014. *Obychay v russkom yazyke: slovo i ponyatiye*: monografiya. Moskva: Flinta. (In Russ.).

Makarov, V. I. 2015. «Khapen zi gevezen» i drugiye nazvaniya vzyatochnichestva v yurislingvisticheskom frazeologicheskom slovare. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 4—1 (87):* 171—175. (In Russ.).

Plotnikova, A. M. 2014. Rechetvorchestvo v kriminalnykh dialogakh. *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa, 1:* 66—72. (In Russ.).

Shipitsyna, G. M. 2016. Istoriko-lingvisticheskiy vzglyad na kontsept vzyatochnichestvo. *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX—XXI vekov: napravleniya techeniya, 2:* 296—305. (In Russ.).

Ustyuzhanina, A. K. 2014. Tema vzyatochnichestva vo frazeologizmakh i pogovorkakh (na materiale tekstov rossiyskikh SMI). *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 77:* 242—244. (In Russ.).